

2) праваслаўныя і каталіцкія могілкі змянялі свае лакацыі, адпаведна, губляліся помнікі і інфармацыя, перарывалася культура памяць (самыя старыя пахаванні ў горадзе датуюцца сярэдзінай XIX ст.);

3) ляхавіцкія яўрэйскія могілкі зніклі цалкам, памяць аб яўрэйскай грамадзе ўвасобілася ў помніку ахвярам халакосту.

Абагульненая лакалізацыя некропалей горада Ляхавічы прадстаўлена на малюнку 1.

1. Булаты, П. Ю. Знешні выгляд і лакалізацыя старажытнай царквы ў Ляхавічах (XVI–XVIII ст.) / П. Ю. Булаты // Православие и цивилизационный выбор Беларуси. мат. XVIII сем., 13–14 декабря 2019 г.: Минская духовная семинария. – Жировичи, 2020. – С. 89–95.
2. Булаты, П. Ю. Ляхавіцкае графства ў сістэме магнацкіх уладанняў (XVI–XVIII ст.) / П. Ю. Булаты. – Мінск : БДУФК, 2020. – 217 с.
3. Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: зб. дак. / склад. Дз. В. Лісейчыкаў. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 270 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41248.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 223.
6. Описание церквей и приходов Минской епархии 1878/79 гг. – Минск : Типоли-тография Б. И. Соломонова, 1879.
7. Российская государственная библиотека. – Ф. 304.I. – Л. 73–73 об.
8. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Фёдара Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 121 с.
9. Стороженко, А. Освящение римско-католического костёла в с. Ляховичи в православную церковь / А. Стороженко – Вильна, 1867. – 13 с.
10. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. – F. 273. Nr. 3587.
11. Niemcewicz, J. Żywot Tadeusza Rejtana / J. Niemcewicz // Potrety wsławionych Polaków. – Warszawa, 1820. – S. 3–7.
12. Stołyhwo, K. W sprawie szczątków i typu antropologicznego Tadeusza Reytana posła Nowogródzkiego / K. Stołyhwo // Sprawozdania z Posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. – 1931. – Wydział II. Z. 1–6. – S. 1–13.
13. Vilniaus universiteto biblioteka. – F. 57. V. B54. Nr. 51.

Бухал Е. Н.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ «НЕУДОБНОГО НАСЛЕДИЯ»

Ключевые слова: историко-культурное наследие, публичная история, места памяти, «неудобное наследие», репрезентация прошлого.

В процессе музеефикации и популяризации особое место занимают объекты «неудобного» наследия. Здесь рассмотрим теоретические обоснования обозначение наследия как «сложного», «оспариваемого», «темного» и синонимичных определений, исследовательские проблемы и стратегии, которые рассматривают в связи с таким наследием, а

также обратимся к одному из выдающихся примеров принятия «неудобного» наследия в музейной практике.

Относительно объектов «неудобного» наследия исследователи и практики обозначают актуальными вопросы о возможных методах репрезентации мест, связанных с преступлениями против человечности, об этике репрезентации и проявлении роли «жертв» и «агрессоров», о стратегиях презентации одновременных конкурирующих нарративов, о возможности компаративного анализа и переноса подобных практик и, наконец, о роли политического влияния в процессе принятия решения о репрезентации и её стратегии.

Изучение совокупности всех явлений, объектов и подходов, которые относятся к наследию, сформировалась практически одновременно с появлением исторической науки, однако именно в 1980-е годы опубликованы основные работы по методологии дисциплины, или практики. Все эти работы рассматривают наследие как носителя прошлого и предлагают новую интерпретацию.

В 1985 г. Дэвид Лоуэнталь опубликовал свою работу «Прошлое – чужая страна» [The Past is Foreign Country, Lowenthal 1985], где описал связи географии, прошлого и настоящего. Кроме этого, автор представил концепцию о разнице между памятью и историей, а также обратил внимание на область, не утратившую актуальность и сегодня, репрезентации прошлого в музеях и СМИ.

В 1987 г. смелая работа Роберта Хьюисона «Индустрия наследия: Великобритания в условиях упадка» [The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline, Hewison, 1987] привела к распространению его концепции в череде исследований по вопросам наследия. Исследователь показывает становление индустрии наследия через исследования поствоенной экономической и социальной неопределенности, что привело к формированию идеализированного образа прошлого. Хьюисон определяет управление наследием как стремление создать образ прошлого, которого никогда не существовало.

И, разумеется, выдающееся семитомное издание коллектива французских ученых, объединивших более сотни исследователей, под руководством Пьера Нора, начавшее выходить в 1984 году – «Места памяти» [Les Lieux de mémoire, 1984-1992]. Это эпохальный историографический труд, в котором последовательно изучены и проанализированы процессы формирования французской национальной идентичности на примере создания мест памяти по всей стране. Начиная с этой общепризнанной и эталонной работы, коллективные монографии о методологии исследований наследия опубликованы большинством авторитетных академических исследовательских центров.

Рассмотрим диапазон определений «неудобного» наследия.

Dissonant Heritage («противоречивое наследие, диссонанс в наследии»). термин предложен Гр. Эшвортом и Дж. Танбриджем в 1994 г. в их коллективной монографии с одноименным названием. Пользуясь глобальным подходом, авторы обстоятельно изучили концентрационные лагеря, а также места, в которых совершались преступления против человечности в отдельной главе *The Heritage of Atrocity* и проанализировали стратегии их использования, опираясь на положение, что подобные места являются наследием, которое по определению используется как культурный, политический и экономический ресурс.

Contested Heritage («оспариваемое наследие») обращается к культурному наследию как к проблеме. Заглавная работа Х. Силверман доказывает, что оспариваемым может в равной степени являться как материальное, так и нематериальное наследие. Желание фактически и(ли) символически присвоить наследие себе (или, наоборот, отторгнуть) побуждает различные группы заявлять право на наследие, присваивать, использовать, исключать или избавляться от определений и проявлений.

Difficult Heritage («сложное наследие»). Более всего данный термин известен по монографии Шарон Макдональд, которая рассматривала одно конкретное место памяти в пределах Нюрнберга. С 1933 по 1938 г. это была территория съездов Национал-социалистической Немецкой Рабочей Партии (НСДАП). «Сложность» пространства заключается в памяти о действиях режима, а также в неизбежной необходимости соприкоснуться и иметь дело с пространством как с напоминанием о содеянном. При этом «сложное наследие» – это не географическая территория съездов, а «прошлое, которое признано значимым в настоящем». Автор уделяет большое внимание политическим силам, принимавшим решение о «создании» прошлого. Политика наследия в современном Нюрнберге отчетливо призвана, не забывая о «сложном наследии», подчеркнуть идентичность города как оплота объединяющего института – Священной Римской империи с актуальной отсылкой к консолидирующей роли Евросоюза.

Dark Heritage («мрачное наследие»). Данный термин чаще всего используют применительно не к объектам наследия, но к практике «мрачного туризма» – намеренного посещения мест, связанных со смертью и массовым насилием.

Unwanted Heritage («нежеланное наследие»). Термин указывает на отчуждение как основное действие, направленное на такое наследие. Дункан Лайт ввел его в оборот применительно к ситуации с коммунистическим наследием в Восточной Европе.

Существует также ряд терминов, которые продолжают смысловой ряд приведенных. Каждое из этих определений, по сути, подчер-

квивает оспариваемый статус наследия. В этом случае наследие называют uncomfortable (неудобным), problematic (проблематичным), controversial (спорным) или ambiguous (двусмысленным).

Исторические музеи являются особенным примером повествования о сложном прошлом. Обычно подходы к использованию прошлого в музее укладываются в три направления:

1. Неконфликтное использование.
2. Оспариваемое, или конкурентное, использование.
3. Маргинализация, или тривиализация, или профанирование (использование наследия в качестве предмета потребления и коммерциализации).

Обратимся к одному из примеров музеефикации наследия, репрезентация которого попадает под определение «сложного наследия» и является одним из эталонов для общемировой практики – Музей памяти в Росарио, Аргентина. Музей создан в 1998 году постановлением муниципального совета Росарио с целью расширения доступа к знаниям и исследованиям о положении в области прав человека и социальной и политической памяти. Его коллекция включает материалы различного рода, которые рассказывают о нарушениях прав человека в Латинской Америке и в мире, особенно о действиях государственного терроризма во время последней военно-гражданской диктатуры в Аргентине. Кроме выставочной работы, музей представляет открытый архив.

Музей занимается проблемами памяти о пост-геноциде. Он расположен в ста метрах от бывшего провинциального полицейского управления и в двухстах метрах от бывшего Подпольного центра содержания под стражей. Эта места памяти о том, как армия в тесном сотрудничестве с провинциальной полицией и различными уровнями гражданского общества разрабатывала и осуществляла план преследования и истребления других граждан страны. Это пространство было местом вынужденного паломничества родственников задержанных или пропавших без вести, которые приходили к его дверям в надежде получить ответ о судьбе своих близких.

Аргентина является единственной страной, где так широко разработано законодательство о защите мест памяти государственного терроризма. Национальный закон № 26691, обнародованный в июле 2011 года, объявил местами памяти государственного терроризма места, которые функционировали как тайные центры содержания под стражей, пыток и истребления или где до 10 декабря 1983 года разворачивались аномальные акты незаконных репрессий.

Этот закон гарантирует сохранение, обозначение и распространение памятных мест за их свидетельскую ценность и за их вклад в

судебные расследования. Таким образом прошлое является не только объектом «культурного наследия», но и свидетельством в судебном делопроизводстве против органов государственной власти. От того еще более примечательно признание ответственности и инициатива государственных законодательных институтов, направленная на сохранение этих мест, тогда как во многих странах происходит маргинализация преступлений политических режимов.

Последняя военно-гражданская диктатура в Аргентине (1976–1983 гг.) использовала более 600 мест для похищений, пыток, убийств и насильственных исчезновений людей, преследуемых за их политическую, социальную и профсоюзную позиции. Государство также приняло ответственность за массовые расстрелы сельских рабочих в 1921 и 1922 годах в Санта-Крус и убийство политических заключенных в августе 1972 года в Трелью, среди других преступлений, совершенных в разное время политическим режимом, которые теперь вспоминаются и становятся видимыми как места памяти. Большинство из этих мест по-прежнему принадлежит вооруженным силам и силам государственной безопасности, однако происходит «раскрытие» их как «мест памяти».

Опыт Аргентины в этом смысле уникален, потому что, обращаясь к любым другим местам памяти, практически невозможно обнаружить принятия ответственности. Обращаясь, например, к музеям политических режимов в Восточной Европе очень хорошо считывается инклюзивный подход сопереживания и порицания. Однако происходит маргинализация «неудобного» прошлого (как в примере с вышеупомянутым конструированием наследия Нюрнберга).

Таким образом, обращаясь к «неудобному наследию» и его музейфикации, т.е. передавая его в пространство публичной истории, профессиональное сообщество вступает во взаимодействие с местным сообществом, образами памяти, сконструированными популярной средой и государственными структурами. Только эффективное и открытое сотрудничество всех этих сил может привести к неконфликтному представлению «сложного прошлого», как показывает опыт Аргентины.

1. *Dubios P., Andruchow M., El Museo de la Memoria de Rosario La memoria reciente a través del arte y los sentidos / P. Dubios, M. Andruchow // Arte e Investigación (17). – 2020. – e046*
2. *Hewison R., The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline / Hewison. – Methuen Publishing Ltd. – 1987. – 160 p.*
3. *Ligth D, An Unwanted Past: contemporary tourism and the heritage of communism in Romania / D. Ligth // International Journal of Heritage Studies 6(2). – 2000. – P. 145-160*
4. *Macdonald Sh, Difficult Heritage. Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond / Sh. Macdonald. – Routledge, NY. – 2009. – 231 p.*

5. *Nora P.*, Realms of Memory: Rethinking the French past / ed. P. Nora. – Columbia University Press. – 1996. – 642 p.
6. *Silverman H.*, Contested Cultural Heritage: Religion, Nationalism, Erasure and Exclusion in a Global World / H/ Silverman. – NY. – 2011. – 295 p.
7. *Tunbridge J. E., Ashworth G.J.*, Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict / J.E. Tunbridge, C.J. Ashworth. – Belhaven Press. – 1996. – 314 p.
8. *Лоуэнталь Д.*, Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. – Даль. – 2004. – 624 с.
9. Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор История, 2018. – 224 с.

Васільеў В. М.
НАВУКОВЫЯ РЭКАНСТРУКЦЫІ ЎЗБРАЕННЯ: АКТУАЛЬНАСЦЬ
І ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫКАРЫСТАННЯ

Ключавыя словы: навуковая рэканструкцыя, ўзбраенне, ваенны рыштунак.

Гісторыя войн і вайсковае мастацтва – тэмы, якія цікавілі гісторыкаў ужо ў старажытнасці. Не страцілі яны актуальнасці і зараз. Усплёск зброязнаўства адбыўся на пачатку другой паловы ХХ ст. і звязаны з умовам і шырокім выкарыстаннем археалагічных матэрыялаў. У гэты час былі выдадзены працы, прысвечаныя вывучэнню зброі і ваеннага рыштунку ў заходняй Еўропе [18] старажытнарускага ўзбраення [5–7] і рыштунку вершніка і баявога каня [8], узбраенню Ноўгарада Вялікага [11], старажытнарускай кідальнай зброі [12], скіфскаму даспеху [17], пазней, у 1980 праца прысвечаная ўзбраенню енісейскіх кыргызаў VI–XII стст. [16]. Гэтыя класічныя працы выклікалі шырокую цікавасць да гісторыі вайсковай справы перыядаў старажытнасці і сярэднявечча.

Вайна ў цэлым як вялікі пласт гісторыі кожнага чалавечага грамадства выклікае цікавасць не толькі ў прафесійных гісторыкаў і навукоўцаў. Ваенная справа і падзеі ваеннай гісторыі адлюстраваны ў музейных экспазіцыях праз дэманстрацыю рэальных прадметаў узбраення, частак даспехаў і інш. Паступова ад прынятага ў музейнай справе класічнага “прадметацэнтрычнага” падыхода адбыўся пераход у бок дапаўнення рэальнага артэфакта суправаджаючымі матэрыяламі графічнага і іншага характару. Гэта звязана з тым, што стан захаванасці асобных прадметаў узбраення і частак даспехаў не дазваляе непадрыхтаванаму чытачу ці наведвальніку музея скласці поўнае уяўленне аб іх знешнім выглядзе. Яшчэ цяжэй уявіць, як выглядалі асобныя ваяры і іх атрады. Таму для зброязнаўства значную ролю адыгрывае навуковая рэканструкцыя зброі, даспехаў і рыштунку ваяроў.